

А. В. Курьянович

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ ПИСЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XX ВЕКА В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ РЕГУЛЯТИВНОСТИ

Представлен анализ синтаксической организации эпистолярных текстов с позиций теории регулятивности, разрабатываемой в рамках коммуникативной стилистики текста – одного из современных и перспективных направлений функциональной стилистики. Ключевым тезисом выступает положение о том, что регулятивность как универсальное текстообразующее свойство имеет специфику своего проявления в письмах – наиболее релевантно для эпистолярного типа текстов, что объясняется особенностями эпистолярной сферы коммуникации. Материалом послужили частные письма представителей русской творческой интеллигенции XX в., характеризующиеся присутствием в их речевом строе богатой палитры синтаксических регулятивных средств и структур. Это во многом обусловлено яркостью личностей коммуникантов, самобытностью идиостиля каждого адресанта и синкретичными стилистическими свойствами их писем.

Ключевые слова: эпистолярный текст, письмо, русская творческая интеллигенция, коммуникативная стилистика текста, регулятивность, синтаксические текстовые единицы.

Одним из перспективных направлений современных стилистических исследований по праву считается коммуникативная стилистика текста, активно разрабатываемая в Томском государственном педагогическом университете под руководством профессора Н. С. Болотновой (А. В. Болотнов, А. В. Громова, С. М. Карпенко, И. В. Кочетова, А. В. Курьянович, Н. Г. Петрова, И. А. Пушкарева, И. Н. Тюкова и др.). Значимым в рамках данной научной школы является изучение регулятивности текста как его «системного качества, заключающегося в способности «управлять» познавательной деятельностью читателя» [1, с. 329]. Речь в данном случае идет об анализе языковых средств различных уровней, которые эксплицируют авторскую коммуникативную установку, реализующуюся с учетом особенностей идиостиля автора и в проекции на воспринимающее сознание читателя (слушателя). Обоснование правомерности выделения регулятивной функции в числе прочих текстовых функций можно найти в трудах целого ряда авторитетных ученых (см. работы Р. Якобсона, Ч. Пирса, У. Морриса, Р. Барта, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Е. В. Сидорова и др.). Так, Р. Якобсон в числе основных функций языкового знака выделил информативную (передача информации), экспрессивно-эмотивную (выражение автором отношения к сообщаемому) и призывно-побудительную (регулирование поведения адресата сообщения) [2].

Регулятивность является устойчивым, системным качеством, релевантным для текстов разной жанрово-стилевой принадлежности. К числу универсальных проявлений регулятивности можно отнести ее связь с информативностью, модальностью, интертекстуальностью и другими текстовыми качествами, наличие у любого речевого произведения регулятивной функции, присутствие в тексте различных регулятивных средств и структур.

При этом, «с точки зрения теории регулятивности, тропы относятся к регулятивным средствам; фигуры, стилистические приемы – к регулятивным структурам разных типов» [3, с. 36]. Перечисленные общие закономерности в проявлении регулятивности, присущие в целом речевым произведениям разных видов, представляют безусловный интерес для ученых в плане анализа соотношения регулятивных универсалий и вариантов индивидуально-авторской реализации, позволяют глубже и всесторонне исследовать текст как феномен коммуникативно-речевой практики.

Огромным регулятивным потенциалом обладает эпистолярный – комплексный жанр, представленный в большинстве своем таким типом текста, как письмо, и с давних пор занимающий прочное место в общей структуре межличностного и социального взаимодействия (см. работы А. А. Акишиной, Н. И. Белоуновой, Н. Ю. Бусоргиной, Н. А. Ковалевой, Н. В. Силаевой, О. П. Фесенко и др.). Под эпистолярным текстом (ЭТ) мы понимаем «концептуально, информативно и прагматически значимое письменное речевое произведение, категориальными признаками которого считаются политематичность, стандартная структура, особая роль пресуппозиции и фактора адресатной направленности» [4, с. 16].

Регулятивность ЭТ, помимо присущих всем текстам общих закономерностей, характеризуется особенностями своего проявления, обусловленными канонами эпистолярной сферы коммуникации. К факторам, определяющим специфику регулятивности эпистолярного, относятся: дистанцированный характер общения между адресантом и адресатом, обязательность письменной формы речевого контакта, особая роль экстралингвистических факторов (авторской целевой установки, характера взаимоотношений коммуникантов, тематического и си-

туативного контекста, жанровой формы), неофициальность и непринужденность диалога, его неподготовленность, автоматизм, спонтанность. Особенно следует выделить фактор полидискурсивности эпистолярия. Представляя собой устойчивый узуальный жанр, эпистолярный функционирует в разных сферах бытования языка (дискурсах разных типов). При этом, сохраняя свои инвариантные признаки, ЭТ демонстрируют стилевую гибкость и развивают ряд гибридных свойств [4], что, безусловно, создает условия для особенного проявления ими своего регулятивного потенциала.

Вопросы изучения регулятивности ЭТ еще не стали предметом глубокого и всестороннего научного рассмотрения у лингвистов. Отметим здесь исследование, посвященное анализу лексических средств реализации регулятивной функции эпистолярием, выполненное на материале писем М. И. Цветаевой и современных ЭТ, фигурирующих в разных сферах коммуникации [5]. Близки к заявленной проблематике работы ученых, занимающихся исследованием эпистолярия с точки зрения прагматических особенностей (Е. М. Виноградова, Н. В. Силаева), в аспекте идиостиля автора (И. Г. Гулякова, С. В. Гусева, И. А. Иванчук, Р. А. Жигарева, Е. Ю. Муратова, Е. В. Полякова, А. Н. Попова, Э. М. Ножкина, Н. В. Чернова), с учетом специфики текстовой деятельности эпистолярного адресата (О. Ю. Подъяпольская, Н. Ю. Чигридова), в плане раскрытия особенностей коммуникативных стратегий ЭТ разных типов (О. С. Иссерс, Н. А. Ковалева, Ю. В. Макаркина).

Предметом рассмотрения в данной статье являются синтаксические регулятивные средства и приемы, с одной стороны, являющиеся маркерами идиостиля адресантов, с другой, — управляющие интерпретационной деятельностью читателей. Материалом исследования послужили частные письма представителей русской творческой интеллигенции XX в., адресованные разным корреспондентам: художника М. В. Нестерова, поэтов М. И. Цветаевой и В. С. Высоцкого, ученых В. И. Вернадского и Ю. М. Лотмана, оперного певца Ф. И. Шаляпина, композитора Д. Д. Шостаковича.

Несмотря на то что пристальное внимание ученых в большинстве случаев сосредоточено на анализе единиц лексического уровня, «именно синтаксис таит в себе огромные стилистические (а значит, и регулятивные. — А. К.) возможности, которые заключаются преимущественно в его способности передавать тончайшие оттенки мысли» [6, с. 147]. Регулятивными синтаксическими средствами и структурами (приемами и фигурами) в рамках коммуникативной стилистики текста можно считать

стилистические средства, приемы, фигуры речи¹, которые реализуют свой коммуникативный потенциал в рамках одной или нескольких синтаксических единиц (словосочетаний и предложений), связанных между собой по смыслу и грамматически.

Арсенал синтаксических выразительных средств традиционно включает различные типы предложений по цели высказывания и интонации, полноте, составу, порядку слов, однородные, обособленные члены, вводные единицы и вставные конструкции, обращения, формы передачи чужой речи, цитацию, период, парцелляцию и пр.

Для создания регулятивности особенно значимыми в ряде случаев (например, в художественной сфере коммуникации²) оказываются средства поэтического синтаксиса, участвующие в создании образного уровня текста: сравнения, каламбур, антитеза, оксюморон, градация, эллипсис, многосоюзие, различного рода повторы (хиазм, анафора, эпифора, параллелизм, анадиплозис, симплока), инверсия, зевгма, многосоюзие, бессоюзие, риторические вопросы, риторические восклицания, риторические обращения (подробнее: [6–8]).

Все перечисленные синтаксические средства характеризуются «сильной эмоциональностью и экспрессивностью и, следовательно, стилистической значимостью» [6, с. 147], способствуют отражению внутреннего мира и состояния автора, позволяют оказывать на читателя (слушателя) воздействие, в том числе психологическое и эстетическое.

Поскольку классическое эпистолярное произведение отражает особенности письменной разговорной речи, для синтаксического строя высказываний, фигурирующих в частных письмах, характерны такие ее стилистические особенности, как неполноструктурность, эллиптичность, прерывистость и непоследовательность с логической точки зрения, эмоциональность и экспрессивность. Эти черты присутствуют в письмах разных авторов в неодинаковой степени: большое значение имеют факторы индивидуальной манеры автора и ориентации на конкретного адресата. Регулятивная функция подобных синтаксических средств состоит в

¹ В большинстве случаев мы используем дефиниции «синтаксические средства» и «регулятивные синтаксические средства» широко, противопоставляя тем самым регулятивные средства синтаксического уровня регулятивным средствам других лингвистических уровней текста (звуковым, лексическим, морфологическим, словообразовательным). О разграничении стилистических средств, приемов и фигур в их соотносительности с регулятивными единицами в рамках коммуникативной стилистики текста см. подробно: [3].

² В рассматриваемом контенте большинство ЭТ обладают синкретичными — эпистолярно (разговорно)-художественными — стилистическими свойствами, в силу чего реализуют и коммуникативную (основную), и ряд эпифункций, в том числе эстетическую (подробнее: [4]).

том, чтобы создать имитацию устного диалога коммуникантов, компенсировать отсутствие личного контакта, «сократить дистанцию» в целях «интимизации» общения, т. е. в полной мере реализовать специфику эпистолярного диалогизма.

Интересен в этом отношении синтаксический строй частных писем В. С. Высоцкого. Общение посредством переписки воспринималось им как эффективный способ компенсации отсутствия рядом близкого человека: «*P. S. Нет! Еще хочу что-нибудь написать. Когда пишу, как будто разговариваю*» [9, с. 257]. Письмо в условиях вынужденной дистанционности коммуникантов приобретает для поэта особую ценность как способ поговорить по душам, высказать адресату свои заветные мысли и желания: «*Наступил такой момент, когда испытываю я необузданное желание с тобой поговорить, хотя бы в письме*» [9, с. 295], «*Ох! Господи, прости! Выговорился*» [9, с. 309] (примеры из писем, обращенных к Л. Абрамовой). Присутствующие в отдельных письмах Высоцкого (например, из цикла к Л. Абрамовой) метакомментарии формируют у читателя представление о письме как способе ежеминутной фиксации событий жизни автора в целях передачи этой информации адресату. Этим объясняется обилие предложений, простых по построению: «*Сейчас лягу спать, а потом встану и продолжу. Письмо получится длиною в несколько дней... Сейчас я прерываюсь. Пойду дышать...*» [9, с. 300, 301], «*Пиши! Звони! Целую. Всем огромный привет*» [9, с. 260].

Индивидуальная манера ведения эпистолярного диалога во многом отражает ключевую характеристику песенно-поэтического дискурса В. С. Высоцкого в целом, а именно – присутствие в нем игрового, ролевого начала (подробнее: [10]). Эта особая ситуация многоголосия отражает как диалог внутри собственного «я», так и между разными участниками коммуникации, при этом «за другого» может говорить как «другой», так и сам автор. Многие письма Высоцкого можно свободно читать «по ролям»: «*Напиши свое впечатление (относительно своей новой песни, написанной этой же ночью, текст которой содержится в письме. – А. К.). Плохое? Ничего, – приеду спую с гитарой*» [9, с. 265], «*...пиши мне чаще, ты обещала. Каждый день спрашиваю на почте: “Мне есть что-нибудь?” Нет! Настроения никакого*» [9, с. 274] (Л. Абрамовой), «*Золотухин в данный момент возлежит на раскладушке, благодущный и похмельный. А я с завистью гляжу на него и думаю. “Эх! – думаю я. – Нет среди нас Веньки и баб. А жаль!”*» [9, с. 313] (В. Смехову). Синтаксическими средствами имитации диалога выступают вопросно-ответные конструкции, цитация, побудительные и восклицательные высказывания. Способст-

вует реализации регулятивной функции использование фраз, построенных по принципу лозунговых речевых клише (*Дашь ответ!!!*).

В большинстве случаев для наиболее эффективной реализации регулятивной функции в ЭТ наблюдается объединение синтаксических и пунктуационных средств. Ярким примером здесь может служить индивидуальная эпистолярная манера М. И. Цветаевой. Страстное желание выговориться, раскрыть другому свою душу является причиной появления безудержного потока чувств, мыслей, ощущений, ассоциаций, эксплицирующихся в тексте при помощи соответствующих средств: «*Могут ли все мои мысли и все мои чувства и каждый мой стих и каждый мой сон, вся я (а где мне – конец?!) идти к Вам домой?», «За месяц (миг!) он пролетел... но что считать, когда дна нет?!»* [11, с. 587], «*Потом пошла за водой: пустое ведро гремело, полное – колыхало луну. (Неужели Вы сейчас спите?!) Луна – огромная*» [11, с. 589], «*„Безысходная нежность“ Вашего первого письма, – о, разве я этого не знаю?! (Что я еще другого знаю?!) Я ответила Вам прохладным советом вздоха, что мне было ответить еще?»* [11, с. 607] (из цикла писем к А. Бахраху).

Непосредственным образом создают прагматический фон общения с конкретным человеком эпистолярные вопросы. Регулятивная функция в данном случае имеет вектор направленности на определенного адресата. Приведем примеры из эпистолярия Ю. М. Лотмана: «*Как твои дела? Как Антон? Проявляются ли у него уже склонности? Каккие?»* (из письма к сестре Лидии Лотман) [12, с. 56], «*Как Марина и Федя? Страшно интересно, как Марина выглядит в роли мамы, а Вы – бабушки*» (из письма к сокурснице Ф. С. Сонкиной) [12, с. 370]; «*Как предзащитное самочувствие? Ожидается ли бой или консолидация? Нужно ли готовить кулаки в защиту демократии?»* (из письма к коллеге Б. Ф. Егорову) [12, с. 211].

Особое место в ряду синтаксических регулятивных средств занимают односоставные именные (вокативные) предложения. Чаще всего такие предложения-обращения выдержаны в повышенной эмоционально-экспрессивной тональности: «*Дорогой ты мой! Самый наипервейший, распронаединственнейший друг Васечек!*» (В. Высоцкий – И. Кохановскому) [9, с. 310]. Привлекая регулятивный потенциал предложений-обращений, авторы в большинстве случаев стараются придать им наиболее оригинальный характер. Например, высокой степенью лингвокреативности отличается идиостиль Ю. М. Лотмана. В его письмах часто можно встретить вокативные предложения, функционирующие с участием графических способов и средств: «*Глубоко / неглубоко уважаемый*

Борфед! (Ненужное вычеркнуть)» [12, с. 192] (в письме к Б. Ф. Егорову, написанном на обороте официального бланка).

Узуальным синтаксическим регулятивным средством можно считать неполноструктурность предложения. К примеру, в письмах В. И. Вернадского, обращенных к жене (очевидна установка автора на взаимопонимание «с полуслова»), в целом ряде случаев опускается синтаксема, отсутствие которой в структуре высказывания не создает коммуникативных сбоев: «Сегодня выдержал на “весьма”» [13, с. 19], «Экскурсией в Ровно чрезвычайно доволен – видел массу и собрал огромный материал» [13, с. 25].

Другим распространенным синтаксическим средством является порядок слов, имитирующий устную разговорную речь. Часто к такой синтаксической особенности в построении предложений обращается Д. Д. Шостакович: «Плохо исполнил Гаук 9-ю симфонию» [14, с. 114]. В ЭТ В. С. Высоцкого в большинстве случаев речь в данном случае идет о постпозиции атрибутива по отношению к определяемому предмету речи: «Я звонил матери своей, думал...» [9, с. 261], «В своих, ненаклеенных, усах, которые взрастил на лице своем» [9, с. 309], «Подорванная алкоголем память моя с трудом удерживает услышанное» [9, с. 334]. Возможно также постпозитивное использование подлежащего по отношению к предикату-сказуемому: «А в квартиру твою на Садово-Каретный, д. 20, поселили мы двух витязей на недолгий срок» [9, с. 250].

Одной из самых ярких черт синтаксиса рассматриваемого контента писем выступает чрезвычайное «пристрастие» авторов к использованию однородных членов предложения, позволяющих адресантам передавать все оттенки оценочных значений в высказываниях, способствуя тем самым наиболее эффективному восприятию информации адресатом. Отметим, что в пределах одной предикативной единицы может быть несколько рядов однородных членов. Так, в приведенных ниже примерах из эпистолярия М. В. Нестерова разные ряды однородных членов в предложениях выделены графически (при помощи жирного шрифта и подчеркивания): «Малявин своим живым смехом, своими звучными красками наполняет и оживляет весь русский отдел» [15, с. 146], «слава Станиславским, Шаляпиным, слава всем тем, кто с таким искусством, талантом, энергией раскрывает пред нами великолепные, полные трагизма, веселости, тонкой прелести жизни и поэзии страницы! Они заставляют нас любить божий мир, самих жить, действовать, а потом дают счастье умереть с сознанием, что жил ты недаром» [15, с. 164]. Очень часто значительные по протяженно-

сти текстовые фрагменты оказываются в ЭТ художника созданными посредством множества различных рядов однородных членов. В качестве примера приведем отрывок из письма к Л. Ф. Маклаковой-Нелидовой, где Нестеров раскрывает суть своей картины «Царевич Димитрий убиенный», делая это преимущественно за счет использования девяти рядов однородных членов: «...жalousть к убиенному царевичу-ребенку должна быть разделена с жalousтью к великому страданию, великой тайне, горю матери, потерявшей лелеенную ею лучшую часть души своей, душу ее ребенка, существа еще не опороченного, еще идеального, еще святого. Горе остающихся на земле еще острее, еще мучительнее, еще сожальнее, ибо они, оставаясь здесь с живущими и доживающими жизнь, уже доживают ее без иллюзий, без теплой, согревающей, деятельной любви к живому, близкому, родному, плотскому, без любви к части своей души, облеченной в живое тело, формы милые, трогательные, драгоценные» [15, с. 181].

Поскольку подавляющее большинство рассматриваемых ЭТ имеет синкретичную (разговорно-художественную) стилистическую характеристику, огромную роль в них играют средства поэтического синтаксиса. Приведем примеры использования некоторых приемов и фигур в письмах представителей русской творческой интеллигенции XX века.

Смысловой контраст на уровне высказывания «обнаруживает» себя посредством антитезы. Так, в письмах М. В. Нестерова встречаются многочисленные случаи использования этого приема: «Хорош Париж! А у нас все же на Руси лучше – милее» [15, с. 148], «Скит, по двору скита идут две сестрицы, сестрицы кровные, а души у них разные – у одной душа радостная, вольная, у другой она сумрачная – «черная». Вот и все» [15, с. 208]. Нередки случаи линейного «нанизывания» антитез в текстовой перспективе с участием противительных, уступительных союзов и частиц (*хотя*, *однако*, *все же*, *но*), за счет чего антитеза приобретает регулятивные свойства, в еще большей степени яркие: «Холст... хорош тем, что не чернеет на нем живопись, сколько не переписывай; но не (выделено в тексте автором. – А. К.) хорош тем, что живопись на нем несколько тускла (*хотя и красива*)» [15, с. 211] (*хорош* ↔ *не хорош*, *не чернеет* ↔ *тускла*, *тускла* → *хотя и красива*), «сейчас Москва готовится к праздникам, готовится не по-праздничному, однако жизнь все же кипит» [15, с. 216] (*готовится к праздникам* ↔ *готовится не по-праздничному*, *готовится не по-праздничному* → *однако жизнь все же кипит*).

В письмах В. И. Вернадского ключевым выступает противопоставление смыслов вокруг опорных слов *много* – *мало*: «Успеваю очень мало сделать

и все еще мало видел» [13, с. 43], «Я как-то всегда чувствую ярко и глубоко, как много интересного и как мало успеваешь сделать» [13, с. 54] и пр.

Частотной регулятивной структурой в рассматриваемых письмах является оксюморон. Авторы говорят о взаимоисключающих понятиях, создавая тем самым неожиданное для узуального представления смысловое единство. Приведем примеры: «наивный подлец! Подлец до святости...» [15, с. 165], «работаю я горячо... выходит, кажется, ничего, морозно!» [15, с. 155] (из писем М. В. Нестерова); «Мы в нормальном сумасшествии...» [12, с. 592], «мне это стоило хорошего сердечного припадка» [12, с. 668] (из писем Ю. М. Лотмана); «А потом – пустой лист – и наполненная пустота» [11, с. 565] (из письма М. И. Цветаевой).

Распространено в рассматриваемых письмах также развернутое сравнение. В чрезвычайной степени его использование характерно для эпистолярной манеры Ф. И. Шаляпина: «во Франции нет на непонятном для французов языке, это значит неграм читать в подлиннике Гоголя» [16, с. 399], «Жизнь такого города, как Лондон... является похожей на движения кинематографа, – на экране которого все дрожит, бежит и рябит в глазах» [16, с. 474], «Я, в добрый час сказать, – нанизываю здесь мои спектакли, как жемчуг, один к другому, который лучше – не знаю» [16, с. 425].

В перечне наиболее значимых регулятивных структур отметим градацию: «...меня в чем-то обвинили – разжаловали и вообще предали анафеме»

[16, с. 434] (из письма Ф. И. Шаляпина); «У нас весь год шло crescendo, которое теперь дошло до такого fortissimo, что я не упомяну на своем тартуском веку» [12, с. 156] (из письма Ю. М. Лотмана); «Очень медленно, с трудом, выжимая из себя ноту за нотой» [9, с. 229] (из письма В. С. Высоцкого).

Разнообразие присутствующих в письмах представителей русской творческой интеллигенции синтаксических образных средств столь велико, что их изучение может стать предметом отдельного исследования.

Таким образом, регулятивность является релевантным для всех типов ЭТ системным, текстообразующим качеством. Значимыми лингвистическими средствами, эксплицирующими регулятивную функцию в письмах, являются синтаксические средства и структуры. Эпистолярно свойственны как общие закономерности в проявлении регулятивности, присущие речевым произведениям разных видов, так и специфичные, обусловленные особенностями эпистолярной сферы коммуникации. В целом рассмотрение ЭТ в свете теории регулятивности позволяет глубже и всесторонне исследовать феномен эпистолярности как специфического проявления коммуникативно-речевой практики, с одной стороны, с другой – расширить представление о регулятивности как системном качестве текстов разной жанрово-стилевой организации.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00216.

Список литературы

1. Болотнова Н. С. Регулятивность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта, 2003. С. 328–331.
2. Якобсон Р. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. 248 с.
3. Болотнова Н. С. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2011. Вып. 3 (105). С. 34–40.
4. Курьянович А. В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2013. 39 с.
5. Курьянович А. В. Лексическая регулятивность эпистолярного текста // Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности: коллективная монография / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. С. 405–422.
6. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1993. 224 с.
7. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции русского литературного языка: опыт системного исследования. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 255 с.
8. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. 5-е изд. М.: URSS, 2013. 232 с.
9. Высоцкий В. Собрание сочинений в четырех томах / ред. Т. Тимакова. Т. 4. Проза. М.: Время, 2011. 400 с.
10. Курьянович А. В. О коммуникативно-прагматической сущности эпистолярного диалогизма (на материале писем В. С. Высоцкого) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 174–180.
11. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. Т. 6: Письма. М.: Эллис Лак, 1995. 800 с.
12. Лотман Ю. М. Письма: 1940–1993 / сост., подгот. текста, вступит. ст., коммент. Б. Ф. Егорова. М.: Языки славянской культуры, 2006. 800 с.
13. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской. 1909–1940 / сост. Н. Ф. Филиппова, В. С. Чесноков; отв. ред. Б. В. Левшин; Архив РАН. М.: Наука, 2007. 299 с.

14. Письма к другу: письма Д. Д. Шостаковича к И. Д. Глиману / сост. и коммент. И. Д. Глимана. М.: DSCN; СПб.: Композитор, 1993. 336 с.
15. Нестеров М. В. Из писем. Л.: Искусство, 1968. 452 с.
16. Шаляпин Ф. И. Сборник материалов / ред.-сост. и автор коммент. Е. А. Грошева. Т. 1. М.: Искусство, 1960. 768 с.

Курьянович А. В., доктор филологических наук, профессор.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 19.01.2015.

A. V. Kuryanovich

FEATURES OF SYNTACTIC STRUCTURE OF LETTERS OF REPRESENTATIVES OF RUSSIAN CREATIVE INTELLIGENTSIA OF THE XX CENTURY IN THE ASPECT OF REGULATIVITY THEORY

The article focuses on the analysis of syntactic organization of epistolary texts from the perspective of regulativity theory, developed in the framework of the communicative style of the text – a new and promising direction of functional stylistics. Regulativity is understood as the ability to manage through the text the reader's cognitive activity. The key thesis advocates judgment that the regulativity as a universal text-forming feature has specifics of its manifestation in the letters – the most relevant for the type of epistolary texts, due to the peculiarities of epistolary communication sphere. The factors determining the specificity of epistolary regulativity include: distance character of communication between the addresser and the addressee, bound by the written form of verbal contact, the special role of extralinguistic factors (author of the target installation, the nature of the relationship communicants, thematic and situational context, genre form), informality and ease of dialogue, his lack of preparation, automatism, spontaneity. We should particularly mention the factor of polydiscursivity of epistolary. For the material served the private letters of the representatives of Russian creative intelligentsia of the XX century (M. V. Nesterov, F. I. Chaliapin, V. I. Vernadsky, M. I. Tsvetaeva, Yu. M. Lotman, V. S. Vysotsky, D. D. Shostakovich), characterized by the presence in their speech of the rich palette of regulatory assets and syntactic structures. This is largely due to the brightness of the personalities of the communicants, originality of idiosyncrasy of each addressee and syncretic and stylistic properties of their letters. Among the most significant regulatory syntactic means include: simple, one-piece, incomplete, exclamatory and interrogative sentences, homogeneous terms, word order, and various forms of transfer of another's speech. The list of assets of poetic syntax highlighted antithesis, oxymoron, comparison, graduation.

Key words: *epistolary text, writing, Russian intellectuals, communicative style of the text, regulativity, syntactic text units.*

References

1. Bolotnova N. S. *Regulyativnost'* [Regulativity]. The stylistic encyclopaedic dictionary of Russian; under red. M. N. Kozhinoy. Moscow, Flinta Publ., 2003. Pp. 328–331 (in Russian).
2. Yakobson R. *Yazyk i bessoznatel'noye* [Language and unconscious]. Moscow, Gnozis Publ., 1996. 248 p. (in Russian).
3. Bolotnova N. S. O tipologii regulyativnykh struktur v tekste kak forme kommunikatsii [Typology of regulative structures in text as a form of communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2011, vol. 3 (105), pp. 34–40 (in Russian).
4. Kuryanovich A. V. *Dinamika zhanrovo-stilisticheskikh osobennostey russkogo epistolyarnogo discursa nositeley elitarnogo tipa rechevoy kul'tury (XX–XXI vv.)*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [The dynamics of the genre and stylistic features of Russian epistolary discourse of media elite type of oral cultures (Ages XX–XXI)]. Abstract of thesis dr. philol. sci.]. Tomsk, 2013. 39 p. (in Russian).
5. Kuryanovich A. V. *Leksicheskaya regulyativnost' epistolyarnogo teksta* [Lexical regulativity of epistolary text]. *Kommunikativnaya stilistika teksta: Leksicheskaya regulyativnost' v tekstovoy deyatelnosti: kollektivnaya monografiya* [Communicative style of the text: Lexical regulatory activity in the text: collective monograph]. Pod red. prof. N. S. Bolotnovoy. Tomsk, TGPU Publ., 2011. Pp. 405–422 (in Russian).
6. Kozhina M. N. *Stilistika russkogo yazyka: uchebnyk dlya studentov ped. in-tov* [The style of the Russian language: a textbook for students of ped. institute]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1993. 224 p. (in Russian).
7. Skovorodnikov A. P. *Ekspressivnye sintaksicheskiye konstruksii russkogo literaturnogo yazyka: opyt sistemnogo issledovaniya* [Expressive syntax of Russian literary language: the experience of system research]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1981. 255 p. (in Russian).
8. Solganik G. Ya. *Sintaksicheskaya stilistika* [Syntactic stylistics]. Edition 5. Moscow, URSS Publ., 2013. 232 p. (in Russian).
9. Vysotskiy V. *Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh* [Works in four volumes]. Red. T. Timakova. Vol. 4. Proze. Moscow, Vremya Publ., 2011. 400 p. (in Russian).
10. Kuryanovich A. V. O kommunikativno-pragmaticheskoy sushchnosti epistolyarnogo dialogizma (na materiale pisem V. S. Vysotskogo) [About communicative and pragmatic epistolary essence of dialogism (on the basis of letters by V. S. Vysotskiy)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2012, vol. 10 (125), pp. 174–180 (in Russian).

11. Tsvetaeva M. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Works: in 7 vol.]. Sost., podgot. teksta i comment. L. Mnukhina. vol. 6.: Pis'ma. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995. 800 p. (in Russian)
12. Lotman Yu. M. *Pis'ma: 1940–1993* [Letters: 1940–1993]. Sost., podgot. teksta, vstupit. st., komment. B. F. Egorova. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'ury Publ., 2006. 800 p. (in Russian).
13. Vernadskiy V. I. *Pis'ma N. E. Vernadskoy. 1909–1940* [Letters to N. E. Vernadskoy. 1909–1940]. Sost. N. F. Filippova, V. S. Chesnokov; otv. red. B. V. Levshin; Arkhif RAN. Moscow, Nauka Publ., 2007. 299 p. (in Russian).
14. *Pis'ma k drugu: Pis'ma D. D. Shostakovicha k I. D. Glikmanu* [Letters to a Friend: Letters of D. D. Shostakovich to I. D. Glikman]. Sost. i comment. I. D. Glikman. Moscow, Kompozitor Publ., 1993. 336 p. (in Russian)
15. Nesterov M. V. *Iz pisem* [From the letters]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1968. 452 p. (in Russian)
16. Shalyapin F. I. *Sbornik materialov* [Collection of materials]. Red.-sost. i avtor comment. E. A. Grosheva. vol. 1. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960. 768 p. (in Russian).

Kurjanovich A. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru